

Лина Бернштейн

«Умерла в приюте Сережина дочь—Ирина»: Текст и контекст¹

Говоря о смерти младшей дочери Марины Цветаевой, Ирине, биографы Цветаевой часто цитируют художницу Магду Нахман, которая в письме к своей близкой подруге, художнице Юлии Оболенской, в 1920 году сообщала: «Умерла в приюте Сережина дочь — Ирина — слышала ты? Мих. Сол.² под арестом — это на днях Вера писала. Лиля хотела взять Ирину сюда и теперь винит себя в её смерти. Ужасно жалко ребёнка — за два года земной жизни ничего, кроме голода, холода и побоев».³ Цитирующие обычно выпускают предложение «Мих. Сол. под арестом — это на днях Вера писала». Иногда также цитируется ответ на это Оболенской: «Я понимаю, огорчение Лили по поводу Ирины, но ведь спасти от смерти ещё не значит облагодетельствовать: к чему жить было этому несчастному ребёнку? Ведь навсегда её Лиле бы не отдали. Лили затратила бы последние силы только на отсрочку её страданий. Нет, так лучше. Но думая о Серёже, я так понимаю Лилю. Но она совсем не виновата. Что это с Мих. С., Господи? Ничего не понимаю».⁴ Последнее предложение из того же письма, как правило, тоже опускается. Выпущенные предложения как бы не имеют отношения к судьбе Ирины.

Затем почти сразу внимание исследователей переключается на Цветаеву. Иные задаются вопросом: «Кто такая эта Нахман, чтобы писать об Ирине? И почему ‘Сережина дочь’, когда Эфрона даже в Москве не было в это время?» Действительно, кто такая Магда Нахман и почему она не упоминает имени Цветаевой, от которой зависела судьба Ирины? Откуда она пишет и где Лилия, Елизавета Яковлевна Эфрон, тетка Ирины? Почему ни она, ни другая тетка, Вера Яковлевна, Ирину так и не взяли, хотя в письмах друг к другу горячо обсуждают такую возможность?

¹ Я благодарна моей коллеге Елене Неклюдовой за интересные и полезные замечания при обсуждении моей работы.

² Михаил Соломонович Фельдштейн (1884–1939) – гражданский муж Веры Эфрон, юрист, правовед, публицист, сын писательницы Р.М. Хин (в первом браке Фельдштейн, во втором браке Гольдовской). Неоднократно подвергался арестам, в последний раз 26 июля 1938, расстрелян 20 февраля 1939.

³ РГАЛИ, ф. 2080, оп. 7, ед. хр. 45, л. 142; 12.III.1920.

⁴ РГАЛИ, ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 7, л. 57/об., 19.III. 1920.

Об обстоятельствах трагической смерти дочери и о своих противоречивых чувствах к ней и к тому, что с ней произошло, Цветаева пишет сама: в письмах, записках, косвенно в стихах и в прозе. Ее биографы по-разному интерпретируют эти свидетельства, пытаются разобраться в случившемся.

Задача этой статьи разобраться в обстоятельствах жизни и мотивациях других действующих лиц этой драмы. Не пытаюсь ни оправдывать, ни судить тех, кто так или иначе был причастен к жизни Ирины, посмотрим, кто они были и что происходило с ними в момент ее смерти.

Начнем с художницы Магды Нахман, на которую так часто ссылаются биографы поэта. Она познакомилась с Цветаевой, Сергеем Эфроном и его сестрами Лилей и Верой летом 1913 года на даче Волошина в Коктебеле. Среди экспансивных, шумных волошинских дачников она выделялась внешним спокойствием и молчаливостью, за что и была прозвана “тишайшая”. Магда, всегда ходившая с блокнотом и карандашом, сделала несколько карандашных портретов Сергея Эфрона. Она же автор единственного прижизненного живописного портрета Цветаевой.⁵

Несмотря на это, близости между Мариной и Магдой не произошло, отношения не сложились. Возможно этому способствовала разность темпераментов и внешних проявлений личности. Художник и его личность не были для Магды тождественны. Она могла восхищаться творчеством художника и в то же время трезво оценивать его как личность. Так, в письме к Лиле Эфрон, написанном из Петербурга, она говорит:

Мне не слишком нравится, что Вам так хочется познакомиться с Блоком. Он прекрасный поэт и как настоящий поэт — весь в своей поэзии, его вечное — там, там в наибольшей чистоте он выражен таким, каков он есть в своей ‘идее’. В проявлениях жизни все это менее чисто, даже случайно. Он, кажется, просто усталый человек. Боюсь, что Вы увидите не поэта, а русского интеллигента,

⁵ Один из портретов Эфрона хранится в РГАЛИ, в фонде Юлии Оболенской (ф. 2080). Другой портрет можно увидеть на фотографии Анастасии Ивановны Цветаевой в ее комнате. Этот портрет был арестован вместе с А.И. и пропал бесследно. Возможно он был написан масляными красками: трудно определить по фотографии. Копия (плохая) этого портрета находится в Музее Цветаевой в Москве. Портрет Цветаевой находится в частной коллекции в России.

пьющего с тоски, и идола неисчислимого количества женских душ, я знаю историю одной весьма печальной любви к нему.⁶

Да и о стихах Цветаевой, в отличии от стихов Блока, Кузмина, Ахматовой и Ходасевича, Магда не пишет. А читает она много и щедро делится своими литературными вкусами с корреспондентами. Значит, скорее всего и своим творчеством Цветаева ее не задела.

Не близко, но ближе Магда была к Вере и Лиле Эфрон. С ними переписка и встречи продолжались и после Коктебеля, а когда в 1916 году Магда переехала из Петрограда в Москву, она некоторое время снимала дом в Сивцевом Вражке вместе с Верой, а зимой 1918-1919 года делила с обеими сестрами «коммунальную» квартиру в Мерзляковском переулке. Эти отношения далеко не всегда были гладкими, но тем не менее они поддерживались.

К интересующему нас времени (декабрь 1919 - февраль 1920), Вера Эфрон и ее близкий друг, отец ее будущего сына Константина, Михаил Соломонович Фельдштейн, снимали квартиру в Нащокинском переулке в Москве;⁷ Лиля Эфрон и Магда Нахман находились в поселке Усть-Долыссы, Невельского уезда, куда они приехали в середине ноября, незадолго до того, как Ирина попала в приют. Привел их туда осенью 1919 года московский голод. Так и возникла переписка между сестрами, и между Нахман и Оболенской.

С помощью местного энтузиаста, кооператора и почтмейстера, Александра Васильевича Котова,⁸ Лиля устроилась режиссером в театр Народного Дома при Усть-Долысском кооперативном товариществе и предложила Магду на место театрального художника; та с радостью согласилась.

⁶ РГАЛИ, Письма Е.Я. Эфрон. Ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 91, б/д; до 1916; адрес: Арбат, Малая Молчановка 8, кв.27.

⁷ Вера Эфрон и М.С. Фельдштейн дружили многие годы и в конце концов съехались весной 1919.

⁸ В своей книге *Усть—Долысские истории* Л.М. Максимовская пишет: «Котов создал Усть-Долысский Центральный Кооператив с просветительскими целями, причем не только лекции и спектакли должен был устраивать Кооператив, но и освещать окрестные деревни в буквальном смысле слова – с помощью динамо-машины, установленной в здании бывшей почтовой станции. Бизнес, искусство и просветительство каким-то образом должны были совмещаться». (СПб.: Нестор—История, 2009, с. 23) Эфроны и Цветаева дружили с Трубочинскими и Жуковскими, поместья которых находились около Усть-Долысс. Анна Яковлевна Эфрон была замужем за Александром Владимировичем Трубочинским, племянником Карпа Трубочинского—владельца усадьбы Долыссы. Аделаида Герцык была замужем за Д.И. Жуковским, чья усадьба Канашево соседствует с Долыссами. Возможно из-за этих связей Котову и пришла мысль пригласить Лиллю.

Магда была готова ухватиться за любую возможность вернуться к творческой работе, к искусству: до этого она была вынуждена служить учётчицей в лесном хозяйстве в селе Ликино под Владимиром.⁹ В то же время, неведомо почему, оказалось, что она стала военнообязанной и не имела права уехать без официального приглашения на другое рабочее место. Такое же положение продолжалось и в Усть-Долыссах: ни Лиля, ни Магда не могли покинуть свою должность, не будучи запрошены на другую. Даже отлучиться на время они могли только по служебной надобности и по очереди.

Позже Лиля писала брату Сергею: «Актрисой я сделалась от голода. Я никогда бы на сцену не пошла, но было так: или умирай, или играй и ври, что ты актриса со стажем. Я сделалась актрисой и...Хлестаковым. Про меня в газетах печатали как об актрисе Художественного театра. Эта моя эпопея невероятна. Я была режиссером, героиней, комической старухой. Магда –декоратором».¹⁰

Из переписки этого периода между Нахман и Оболенской, и между Лилей и Верой Эфрон видно, как серьёзно Магда и Лиля относятся к своим обязанностям театральных работников: обе разъясняют роли актерам-любителям из крестьян, которые и в театре-то никогда не были, репетируют постановки, учат их правильно читать стихи, занимаются с ребятами и ставят детские спектакли.¹¹ Магда гримирует, пишет декорации и конструирует костюмы, при этом все время жалуется на нехватку материала, на то, что краски кончаются, бумагу достать невозможно, помощников нет и все приходится делать самим. Света тоже нет и керосина не выдают. Она жалуется на критику завистников, которых и она и Лиля называют «врагами». В письме к Вере, Лиля приводит высказывания одного «врага», о котором она собиралась писать Луначарскому и Горькому: «Вы приглашаете профессионалов, а мы против профессионалов, долой их! Мы не знаем, что кроется под их профессией!»¹² В более позднем письме, от 9 июня 1920 года, Магда

⁹ Вспомним, как невыносимо было Цветаевой «служить». Другой пример неприспособленности к службе — Владимир Набоков, который продержался в немецком банке целых три часа, хотя и бедствовал в Берлине.

¹⁰ РГАЛИ, Письма Е.Я. Эфрон. Ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 91, р. 72-73.

¹¹ 30/III/1920 Магда пишет: «Участвуют любители, почти все и в театре не были, совершенно некультурны. Развязать их, объяснить, что жесты, дикция, игра, ансамбль—всё-таки очень много—очень много, что в постановках нет фальши и дурного вкуса». РГАЛИ, ф. 2080, оп. 7, ед. хр. 45, л.л. 150-154/об.

¹² РГАЛИ, Письма Е. Я. Эфрон. Фонд 2962, оп.1, ед. хр. 23, л. 9-11об.

подводит итог за сезон: «Постановок было не мало — больших и малых вместе 24».¹³ Об их театре восторженно писала невеликая газета *Молот*, а зрители с энтузиазмом заполняли зал, хотя некоторым надо было идти пешком издалека. Так что и режиссер, и художница работали много и хорошо, а жили впроголодь.

Из писем Магды узнаем об условиях жизни в Усть-Дольссах. Сначала можно было подумать, что по сравнению с Москвой — это рай земной. Котов поселил их у себя в комнатах и кормил как членов своей семьи: «Приехали в Дольссу в пятницу в 6 утра, пока ещё ничего не делали, только кормимся потрясающе: рыбой, гусем, белым хлебом».¹⁴ Но очень скоро положение меняется. Магда сообщает Оболенской:

Мой милый друг, письмо твоё получила, прости, что мало пишу, но тут ужасно неудобные условия жизни, роптать на них, памятуя Москву, совестно, но всё-таки они надоели. Комнаты у нас до сих пор нет, так что всё ещё ютимся по углам у Котова. Вещи девать некуда, дом всегда полон народу, так что никогда не приходится бывать одной, даже с Лилей с глазу на глаз говорить не приходится. Освещения зачастую нет. Трудно найти момент, чтобы писать. Сидеть можно только в столовой. Тут же толчется народ, тут же шьёт портниха, пишутся деловые бумаги и разучиваются роли. Котов по-прежнему очень любезен, но меня это уже тяготит, т.к. я не знаю, как потом расплатиться с ним. В довершение всего он влюбился в Лиллю и усиленно это проявляет, сейчас ходит зелёный и очень кислый, т.к. с её стороны взаимности быть не может. Она этим страшно тяготится...¹⁵

¹³ Максимовская перечисляет названия спектаклей: «Репертуар Народного театра был обширным и многообразным. Ставили пьесы Чехова “Медведь” и “Предложение”, инсценировали рассказы “Злоумышленник”, “Неудача”, “Канитель”. Из Островского играли “На бойком месте”, “Не было ни гроша”, “Без вины виноватые”. Инсценировали “Майскую ночь” Гоголя, “Анжело” и “Жениха” Пушкина. Инсценировали и песни – “Катенька”, “Не шей ты мне, матушка...”, “Стрелочки”. Ставили пьесы Льва Толстого “Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил”, “От ней все качества”. Была поставлена пьеса А. Потехина из крестьянской жизни “Чужое добро впрок не идет»» (с.26). Интересно, что время все ещё отсчитывается по церковным праздникам. Сообщая о работе осенью 1919 года, Магда пишет: «К Рождеству будем ставить скрагу Скруджа, Пиковую Даму в живых картинах, и Первого винокура Л. Толстого и детский спектакль—видишь сколько». (РГАЛИ, фонд 2080, опись 1, ед. хр. 45, л. 131, 131/об, 20 ноября, 1919). Позже она пишет о пасхальном сезоне.

¹⁴ Из письма Нахман. РГАЛИ, ф. 2080, оп. 7, ед. хр. 45, л. 189, б/д, по контексту ноябрь 1919.

¹⁵ РГАЛИ, Ф.2080 оп.1 ед.хр.45, л.л. 107–109 об.; 23/ХП/1919. В переписка Нахман и Оболенской переплетаются заботы о пропитании с самыми интересными рассуждениями об искусстве, книгах, человеческих отношениях. Вот ещё один кусочек о бытовой стороне пребывания Магды и Лили в Уст-Дольссах: «Живём мы как птички небесные. Три недели уже нам не дают пайка и мы питаемся приношениями благодарной публики в виде овощей и яблок, простокваши и ватрушек, но нельзя же всегда так жить, не век же будут нас кормить. Уже 2 мес. не дают дров, и я собираю щепки и ими топлю. Одним словом, настоящее нищенство, ибо денег тоже не дают... Два дня гостили у священника, и там отъедались, а то мы всё-таки голодаем. Черт знает что». (Ibid., л.л.186–188/об) Священник, которого упоминает Магда,

Сетуя на невозможность прислать Вере побольше продуктов, Лиля сообщает: «... дело в том, что у крестьян все отобрано, ни я, ни Магда ничего на деньги купить не можем. Котову приносят, как услугу, а очень не хочется его затруднять и тем обязываться».¹⁶ При таких условиях взять Ирину к себе Лилия не могла, хотя она и знала, что Ирина в приюте. Она пишет об этом Вере.

Но в конце декабря, Магда и Лилия получили одну комнату на двоих:¹⁷ «одна радость: наконец получаем комнату! Отвоевали её с великим трудом, ибо наш антрепренёр, восплавав нежными чувствами к Лиле, всячески тормозил это».¹⁸ И сразу же Лилия начинает мечтать о том, чтобы забрать Ирину к себе: теперь есть, куда ее привезти. У Лили уже был опыт ухода за Ириной: прошедшим летом она жила с девочкой на даче, откормила ее и прикипела к ней душой. Кроме того, у нее был долг перед братом, для которого Лилия и Вера заменили мать. Вот одно из писем Вере с планами на жизнь с Ириной:

...Бери ты отпуск, забирай Ирину и езжай сюда. Ирину я могу оставить у себя. Теперь со столом мы отделились, хлеба больше чем [надо], деньги у меня будут, буду прикупать, Иринка ребенок спокойный, с ней не трудно. С тобою что-нибудь поставим здесь и ты возьми себе роль какую захочешь, и обработай ее здесь в тиши, сытости и чистоте. Ругаться с тобою честное слово не буду! Буду за тобою ухаживать. Насчет вегетарианства у нас плохо, так что ты крупы привези, но картошки и хлеба хватит. Милая, решай скорее. На днях будет у тебя Ананий Иванович,¹⁹ может быть с ним и приедешь. А Иринка будет у меня счастливейшим ребенком! Как я ее люблю. Может быть Марина и не возьмет ее у меня.

Для меня это такое счастье! Кажется ничего в жизни больше не надо. Верка! Бери ее скорее из приюта, вези ее ко мне. Захвати все платица [так], кот. остались у тебя. Господи как жду ее! Даже забыла как люблю ее. Под Рождество я так ужасно видела ее во сне, что встала ночью к Магде и рассказывала ей. Но тогда я взять не могла, нас кормил Ал. Вас. и я даже и говорить то об этом не могла. А теперь мы ни от кого не зависим. Господи как я рада.

Митрофан Иванович Ширкевич, жил в селе Кубок, Невельского уезда. Здесь Лилия и Магда познакомились с его дочерью, Зинаидой Митрофановной Ширкевич, которая стала ближайшей подругой Лили на всю жизнь.

¹⁶ Е.Я. ЭФРОН – письма ВЕРЕ. РГАЛИ, фонд 2962, оп.1, ед. хр. 23, л. 107, 23/ХII/1919.

¹⁷ Мне удалось побывать в этой комнате. В нее можно было попасть из зала, где была устроена сцена, и выйти с другой стороны в заднюю комнату, т.е. комната была проходная без выхода на улицу, примерно в 20 кв. метров.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 2080, оп. 7, ед. хр. 45, л. 174.

¹⁹ Местный крестьянин, часто ездивший в Москву и привозивший посылки от Лили и Магды.

Иринка расцветет здесь, окрепнет. Скоро ведь лето. Родная девочка! Видишь, я так одурела от радости что могу взять ее, что ни о чем больше и писать не могу.

Если ты ее сама привезешь так уж и не знаю как тебя и принять. На руках буду тебя носить. Для Иринки возьми непременно белья, кастрюльки, а то здесь у нас нет. И если есть у нее кружечку. Верусь, если приедешь, то привези простого мыла и соли. Страсть нужно!!! ...²⁰

Почти во всех письмах этого месяца Лиля пишет о племяннице, и о планах забрать ее. Вера готова поехать в Кунцево и привезти Ирину к Лиле. Но это не так просто. Для этого в первую очередь нужно разрешение матери. Казалось бы Вера должна была взяться за эти переговоры на месте, в Москве. Но как раз во время переселения Ирины в приют, она тяжело больна. Об этом сообщает Магда в письме к Оболенской: «Что касается сухарей [переданных с оказией], то часть их отобрали милиционеры. Не знаю, почему Вера и М.С. не дали знать. Кажется, оба лежали в инфлуэнце».²¹ В январе сестры обсуждают, как заполучить Ирину. В это время в Москве идут аресты друзей и знакомых; тучи сгущаются и над Фельдштейном. В конце февраля его арестовывают. К этому времени Ирины уже нет в живых. События развивались стремительно и жестоко. Арест Фельдштейна и есть то сообщение Магды в письме к Юлии, на которое исследователи внимания не обращают. Этот арест последовал вскоре за смертью Ирины. Но можно себе представить, в каком состоянии находилась Вера в январе и начале февраля 1920 года.

Отзыв Оболенской на сообщение о смерти Ирины, хотя и звучит странно и жестко, имел под собой некие основания: Цветаева забрала Ирину с дачи Лили неожиданно и резко. Лиля была больно ранена потерей ребенка. И то, что Оболенская не упоминает имени Цветаевой, указывает на недружественные отношения ее круга друзей к поэту.²²

Магда, деля свою жизнь с Лилей в момент написания письма о смерти Ирины, естественно солидарна с ней: «Сережина дочь» — это несомненно выражение Лили, это то, как Лиля ощущает свою вину по отношению к брату: не уберегла его ребенка в тот момент, когда он

²⁰ РГАЛИ, Е.Я. ЭФРОН – письма ВЕРЕ. Ф. 2962 оп.1 ед.хр.23, 15, 15об., 16, 16об.

²¹ РГАЛИ, Ф.2080 оп.1 ед.хр.45, л. л. 167–170, 170 об., б/д (ноябрь–декабрь, 1919).

²² Из письма Оболенской: «Марина [Цветаева] уезжает в Крым. Это сказал Владислав [Ходасевич] на мой вопрос, поедем ли мы с ним туда. 'Нет уж, говорит, вообразите, какие будут разговоры там. Топор повесить можно.'» (Ibid., л.л. 43–45/об., 13/VI/1919). По переписке Нахман и Оболенской, а так же близких к ним людей, можно судить об их отношении к Цветаевой.

вынужден был бежать с родины. Магда передает сообщение о смерти Ирины так, как она его услышала.

Ирина умерла. Теперь надо было спасать ещё живого Фельдштейна. В марте Вере разрешили свидание с ним. Вскоре о нем начинает хлопотать брат Оболенской, Леонид Леонидович (1873-1930).²³ Юлия сообщает Магде: «Только что вернулась от брата. Ловила его между заседаниями, чтобы похлопотать за М.С.».²⁴ В тот раз Михаила Соломоновича удалось спасти.

Цель этой заметки — дать контекст для часто цитируемых слов и объяснить, при каких обстоятельствах они были написаны. Из этого контекста ясно, что нет повода осуждать Нахман за то, что она не упоминает имени матери умершего ребенка.

²³ С 1915 года Л.Л. Оболенский был членом РСДРП, меньшевик. После Октябрьской революции примкнул к большевикам, занимал ряд ответственных постов. Во время ареста Фельдштейна состоял Членом Малого Совнаркома РСФСР.

²⁴ л.л.73, 30-IV-20.